

УДК 39; 930

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-709-717

**Далеко от войны: повседневная жизнь Ханты-Мансийского
национального педагогического училища в 1941–1945 годах**

А. Г. Киселев

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
kiselev1954@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В исторической науке наряду с другими, активно осваивается концепт ‘повседневность’, в последнее время нашедший применение в зарубежной и российской историографии истории детства, молодёжи, в том числе применительно к периоду II мировой и Великой Отечественной войны. История повседневности Ханты-Мансийского округа военных лет ещё ждёт своих исследователей.

Цель данной статьи заключается в характеристике повседневности дирекции, учителей и учащихся Ханты-Мансийского национального педучилища как социокультурных отношений.

Материалы исследования: делопроизводственная документация Ханты-Мансийского педучилища и вышестоящих учреждений народного образования и воспоминания учащихся.

Результаты и научная новизна. Для советского тыла, Севера, Ханты-Мансийского округа война стала непреодолимой губительной, изматывающей, и в то же время, особенно в первые годы, вдохновляющей, стимулирующей силой. Повседневность Ханты-Мансийского национального педучилища характеризовалась профессиональными проблемами руководителей и учителей, связанными со школьными реформами 1941–1944 гг., бытовой неустроенностью, прежде всего эвакуированных учителей и учащихся, тяжёлой физической работой, болезнями, трудностями культурной адаптации в училище, особенно для учащихся ханты и манси.

Научная новизна исследования: 1) впервые дана характеристика военной повседневности Ханты-Мансийского национального педучилища; 2) тема повседневности освещена по преимуществу не на эго-источниках, а на делопроизводственной документации; 3) повседневность показана не только как ежедневный быт, но и как отношения, связывающие воедино дирекцию, учителей и учащихся.

Ключевые слова: повседневность, Великая Отечественная война, дирекция, учителя, учащиеся, быт, досуг, учебно-воспитательная работа.

Для цитирования: Киселев А. Г. Далеко от войны: повседневная жизнь Ханты-Мансийского национального педучилища в 1941–1945 гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 709–717.

**Far from the War: everyday life
of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College in 1941–1945**

A. G. Kiselev

*Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
kiselev1954@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: in historical science, along with others, the concept of ‘everyday life’ is actively developed. Recently it found application in foreign and Russian historiography of the history of childhood and youth, including in relation to the period of the World War II and the Great Patriotic War.

Objective: characteristics of the everyday life of directorship, teachers and students of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College as a system of socio-cultural relations.

Research materials: documentation of the Khanty-Mansiysk Pedagogical College and higher institutions of public education, as well as students’ memories.

Results and novelty of the research: for the population of the country, the North, Khanty-Mansiysk Okrug, the war has become an insurmountable, exhausting, destructive and at the same time, inspiring and stimulating force. The everyday life of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College was characterized by professional problems of heads and teachers associated with school reforms of 1941–1944s, everyday disorder of evacuated teachers and students, hard physical work, diseases, difficulties of cultural adaptation in the College, especially for Khanty and Mansi students.

Scientific novelty of the research is: 1) for the first time the characteristic of military everyday life of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College is given; 2) the theme of everyday life is mainly covered not on ego sources, but on office documentation; 3) everyday life is shown not only as a daily life, but also as relationships that binds together directorship, teachers and students.

Key words: daily life, Great Patriotic War, directorship, teachers, students, everyday life, leisure, teaching and educational work.

For citation: Kiselev A. G. Far from the War: everyday life of the Khanty-Mansiysk National Pedagogical College in 1941–1945 // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (4): 709–717.

Введение

Концептуализация современного гуманитарного знания – характерная черта новейших исследований в области не только философии и культурологии, но и литературоведения, фольклористики, историографии [4; 7, 69–103; 8; 9; 12; 14; 16; 18].

В исторической науке, всё сильнее тяготеющей к междисциплинарности, наряду с другими, активно осваивается концепт ‘Daily Life’, ‘повседневность’ [1; 6; 14; 15; 16], в последнее время нашедший своё место и в историографии истории детства, молодёжи, истории учебных заведений, в том числе применительно к периоду II мировой, Великой Отечественной войны [2; 3; 5; 6; 13; 17].

Материалы и методы

Работа основана на документах делопроизводственного характера, прежде всего, планах, отчётах, протоколах Ханты-Мансийского педучилища из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Государственного архива Югры (ГАЮ), а также на воспоминаниях учащихся.

В качестве «методологического» путеводителя в данной статье использована концепция предметных областей учебной повседневности И. Б. Орлова [7, 149–150], в качестве метода – проблемно-аналитический метод, позволяющий увидеть «историю в подробностях».

Результаты

Великая Отечественная война стала временем крупных перемен в системе народного образования, в том числе и профессионального педагогического [11]. В повседневности педагогических училищ перемены отозвались, в первую очередь, огромной нагрузкой на организаторов учебно-воспитательного процесса – дирекцию и учителей.

Областной отдел народного образования (Облоно), на который было возложено руководство педучилищами, по оценке ханты-мансийцев, не уделял им должного внимания. «За три года моей директорской работы в училище не получено ни одного конкретного указания ни по одному вопросу, – писала в 1944 г. директор училища Н. А. Бельская. – И получив из Облоно общую директиву, на месте приходится самим решать, как правильно сделать в наших условиях»¹.

На протяжении многих лет, включая военные годы, проблемой для дирекции педучилища была непоследовательность руководящих указаний сверху и медлительность их доставки. «Материалы приходят с большим запозданием, в телеграммах же всего не скажешь, и получается так, что иногда сделаем одно, а через 2 недели другие установки, а ещё через 3 снова другие установки», – сетовала Н. А. Бельская в декабре 1941 г.²

В качестве постоянных вызовов руководителям училища имели дело с проблемами набора и сохранения контингента³, прежде всего, из числа детей ханты и манси, а также низкой успеваемостью⁴. Ужиться с ними на руководящих должностях позволяло только (или в том числе) сознание их хронического характера, информированность о непростом положении в других учебных заведениях в области и округе⁵ и понимание объективности причин неудач⁶.

В целом учебная повседневность руководителей определялась, конечно, не столько формажорными, сколько рутинными практиками двух уровней:

1) документального периодичного (распределение нагрузки учителей, контроль за выполнением учебного плана, составление годовых, полугодовых учебно-воспитательных планов, сводных ведомостей, отчётов, организация испытаний, изучение календарных планов преподавателей, классных руководителей и т. п.);

¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 177. Аналогичные оценки высказывались и ранее, см., например: ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 106 об.

² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.

³ Проблема сохранения контингента в военные годы была актуальной в республиканских педучилищах в целом, в учебных заведениях Омской области, в частности. – ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 4431. Л. 139. Общероссийской была и проблема набора, см.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2818. Л. 61-62.

⁴ Низкая успеваемость для педучилищ РСФСР была общим явлением, см., например: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 2934. Л. 57; Д. 2946. Л. 164-164 об.

⁵ Положение в республиканских педучилищах во время войны вызывало беспокойство правительства, см.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3084. Л. 56. Плохо обстояли дела в учебных заведениях Ханты-Мансийска – рыбтехникуме, школе юнг. – ГАСПИТО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 595. Л. 23-24, 187, 192 об., 198-199; Д. 575. Л. 7-8; Д. 830. Л. 18-18 об.

⁶ Качественный набор учащихся был ограничен и незначительным выпуском (неполной) средней школы, и невысоким уровнем знаний её выпускников.

2) личного оперативного (проверка урочных планов учителей, посещение и анализ уроков, систематическое взаимодействие с классными руководителями и ученическим активом, учёт успеваемости и посещаемости, ежедневный учёт пропусков, контроль неуспевающих учащихся и т. п.).

Успевали не всё, по признанию Н. А. Бельской не получалось главное: мобилизация коллектива на достижение высокой успеваемости⁷.

Наряду с собственно учебной, директор и завуч занимались и иной организационной и контрольно-распорядительной работой: во время приёмной кампании, уборочной и других хозяйственных работ. Характерно, что требуемые Наркомпросом отчёты, в довоенное время начинавшиеся с контингента и успеваемости, с 1942 г. начинались с контингента и мер по его сохранению – организации питания, снабжения, общежития для учащихся.

Как у директора, завуча, у учителя работа началась с планирования, составления календарного плана по преподаваемому предмету; соответствующие планы готовили и руководители методических предметных комиссий, ученических кружков, классные руководители.

Основная нагрузка приходилась на подготовку и проведение уроков. В разное время наблюдалась перегруженность учебной работой отдельных учителей (до 30-40 недельных часов) отчасти связанная с необходимостью, отчасти со стремлением больше заработать⁸.

Характерной особенностью уроков, особенно первых лет войны, было стремление учителя связать изучаемый материал с событиями и явлениями войны. На занятия по русскому языку из военных сводок газет подбирали тексты диктантов. На уроках физики учитель, объясняя закон Архимеда, говорила о воздухоплавании и подводных лодках. Географ рассказывала о применении географических знаний для ориентировки на местности, глазомерной съёмке и т. п.⁹

Анализ качества уроков по основным предметам в училищных отчётах позволяет судить и о повседневных профессиональных усилиях учителей, и о морально-психологическом микроклимате, складывавшемся в процессе изучения той или иной дисциплины.

«Использованы наглядные пособия <...> Учащиеся готовили материалы для литературной викторины <...> не всегда в достаточной степени готовится к уроку, часто приходит без плана, не продумывает методику построения урока <...> домашние тетради редко проверялись»¹⁰.

«Уроки проходили чётко, продуманно. Новый материал излагался ясно, доступно <...>. Большое место отводил решению задач, и учащиеся после испытаний заявили: спасибо Владимиру Христофоровичу за то, что за год научил нас решать задачи. Тщательно продумывал повторение, закрепление»¹¹.

Судя по документам училища, к числу лучших педагогов военных лет относились математики В. Х. Гильц и Е. С. Буракова, филологи М. И. Анисимова, В. В. Литвинов, К. И. Казаков, историки Ю. М. Аверин и М. М. Ханина, преподаватель естествознания Л. А. Величко¹².

Однако, по оценке дирекции, качество преподавания у ряда учителей оставляло желать лучшего¹³.

Что представляло собой рабочее время учителя? Каким было его материальное положение?

Учебный год в училище во время войны начинался с 14 сентября / 1 октября. В 1942–1943 г. вторая четверть не выделялась, полугодие продолжалось до 31 декабря, третья четверть длилась с 7 января по 31 марта, четвёртая – с 1 апреля по 15 июня, испытания продолжались до 31 июля¹⁴.

В 1944–1945 уч. г. занятия проводились с 1 октября по 30 июня, включая экзамены; зимние каникулы пришлись на 1–10 января, весенние – на 26–31 марта¹⁵.

Для отдыха учителей можно было использовать лишь часть каникулярного времени – летом собирались учительские курсы, приступали к учёбе заочники¹⁶, а ближе к осени на уборочную отправлялись отдельные группы учащихся, возглавляемые учителями¹⁷.

Занятия проводились в одну смену, в зимние морозы вводились две смены. Учебный день начинался в 9 час. утра и продолжался до 14-40, а при 2-х сменном режиме вторая смена занималась, видимо, до 20-00. Обязательные самостоятельные занятия для первой смены должны были проводиться с 17-00 до 19-00 в классах (для неуспевающих)

⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 81, 110, 157.

⁸ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 41 об.

⁹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 84, 98, 100, 100 об.

¹⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 159.

¹¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 99 об.

¹² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 99 об., 109 б., 116, 117 об.-119.

¹³ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 120 об. Плохие уроки часто упоминаются в годовых отчётах. – ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 47 об.

¹⁴ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 13. Л. 77.

¹⁵ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 40 об.

¹⁶ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

¹⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 127; Д. 16. Л. 48 об.

и общежитиях, с 20-00 до 22/23-00 планировались занятия кружков. Существовало и отдельное расписание дополнительных занятий и консультаций¹⁸.

Материальный достаток учителей косвенным образом характеризуют решения Окружкома ВКП(б), принятые осенью 1943 г. вслед за Омским Обкомом:

- «выдать до 1 ноября 1943 г. всем учителям округа единовременный паёк в граммах на одного человека: сахар – 800 гр., чай – 100 гр., соли – 4000 гр., хозяйственного мыла – 2 куска, туалетного – 1 кусок, спичек – 10 коробков, керосину – 2 литра, мяса-рыбы – 2 кг».

- «обеспечить в посёлке Ханты-Мансийск полное отоваривание в октябре, ноябре, декабре 1943 г. промтоварных карточек, прикрепив учителей к отдельному магазину с организацией продажи промтоваров по ордерам, выдаваемым Окроно»¹⁹.

Летом 1944 г. Омский Облоно констатировал: «материальное положение учительства до сего дня неудовлетворительное»²⁰.

Жизненно важной, особенно с весны 1943 г. оказалась прямая материальная поддержка учителей училищем, прежде всего, организацией огородов, посадки картофеля, снабжением семенным материалом, а также дровами – актуальная тема не только Ханты-Мансийского педучилища, но и других, в том числе областных организаций. В 1943–1944 уч. г. все учителя получили и валяную обувь²¹.

Текучесть кадров в Ханты-Мансийском педучилище, наблюдавшаяся и до войны, в 1941–1945 гг. воспринималась более эмоционально, нежели в мирное время. Многие коллеги мужчины были мобилизованы, среди новичков оказались эвакуированные, в том числе из Москвы, Ленинграда. Проблемой стало обеспечение учителей жильём²².

Несмотря на постоянное изменение состава учителей, отношения товарищества, сотрудничества, известной корпоративности в учительской среде продолжали существовать.

После естественного морально-психологического единения второй половины 1941-го, уже в начале 1942 г., завуч К. И. Казаков констатировал: «учителя начинаний дирекции не поддерживают»²³.

Характерно и обсуждение на партсобрании училища 1944 г. роли месткома. Учительница Ю. Н. Русская рекомендовала профсоюзу «интересоваться бытовыми условиями», а директор Г. Т. Величко – «заняться вопросом трудовой дисциплины и воспитанием инициативы работников». Тогда же секретарь парторганизации училища З. М. Ефимова, имея в виду коллег, «указала массу случаев непонимания обстановки»²⁴.

На протяжении всех военных лет, особенно в 1943–1944 и 1944–1945 уч. г. дирекция систематически высказывала претензии учителям:

«Учителя неряшливы». / «Все пособия к уроку учитель должен приносить в класс, а не посылать учащихся во время урока». / «Учителя <...> часто обижаются на прямые замечания». / «В работе безынициативна, неаккуратна, а иногда и не дисциплинирована»²⁵.

Эти оценки не только показывают отношение дирекции к учителям, но, как и вышеприведённые оценки преподавания отдельных предметов, иллюстрируют учебную повседневность как комплекс отношений руководители – учителя (учебный предмет) – учащиеся.

В отношениях учителей с учащимися ясно прослеживалась линия «Мы» и «Они», характерная, впрочем, и для дирекции²⁶.

«Они» нередко являются не просто как ученики, а и как представители облагодетельствованных государством, но не всегда благодарных за это ханты и манси. «В Ханты-Мансийском педагогическом училище обучаются дети ханты, манси, дети народов, отсталых в прошлом, малокультурных. Значительная часть родителей националов и сейчас уклоняются от выполнения закона о всеобуче, учителям начальных школ приходится ездить по юртам, убеждать родителей и создавать все условия для полного охвата детей. <...> дети националов находятся на полном государственном обеспечении»²⁷. Уничтожительный характер некоторых оценок очевиден:

- «Один национал не захотел учиться, ушёл в юрты, сейчас охотится и ловит рыбу»²⁸. / «Недостаточная общая подготовка учащихся, приехавших из глубинки, ничего не видевших, кроме своих юрт»²⁹.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 4166. Л. 13, 25; ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 13. Л. 47, 57, 77.

¹⁹ ГАСПИТО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 691. Л. 84 об.

²⁰ ГИАОО. Ф. П-1684. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

²¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 112-112 об., 154 об.; Д. 11. Л. 73 об.; ГАСПИТО. Ф. П-1870. Оп. 1. Д. 5. Л. 6-7; ГИАОО. Ф. П-1684. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; Ф. П-4877. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Ф. 4748. Оп. 1. Д. 20. Л. 7; Д. 21. Л. 13. .

²² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 13. Л. 39 об.

²³ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 54.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. П-1870. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

²⁵ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 75, 85, 114 об.; Д. 16. Л. 48; ГАСПИТО. Ф. П-1870. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 об.

²⁶ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 99, 111, 114 об., 139.

²⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 111.

²⁸ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 139.

²⁹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 114 об.

Вместе с тем, общие тяготы и переживания войны, совместная работа в педучилище, проведение мероприятий, *volens polens* объединяли дирекцию, учителей и учеников (выезд училища на уборочную в сентябре 1941 г., совместные субботники и военно-спортивные игры 1941–1942 уч. г., пожертвования в пользу фронта и т. п.)³⁰

Загруженность учебно-воспитательной работой, профессиональные учительские неудачи (снижение успеваемости в 1943–1945 гг.), переживания за родных и близких, ухудшение материального положения, административный нажим нередко усугублялись нездоровьем учителей³¹.

Характер собственно учебной повседневности учащегося определялся тем морально-психологическим микроклиматом, который формировался уроками учителя-предметника, требованиями педколлектива, влиянием товарищей, личной подготовкой и мотивацией учащегося.

Учитель мог заинтересовать, научить, но эта цель достигалась не всегда:

«Учащимися учебный материал по русскому языку усвоен прочно и глубоко». / «Мало живой работы над языком и по языку, в результате чего замечается отсутствие интереса к занятиям <...> со стороны учащихся»³².

Выдержать единство требований в училище не удавалось – вопрос постоянно обсуждался в педколлективе³³.

Проблемы с дисциплиной на уроках случались, по оценке дирекции, у неподготовленных учителей³⁴. Учащиеся «читали постороннюю литературу», «занимались посторонними делами/предметами», подсказывали вызванным к доске товарищам, писали записки, жевали серу³⁵. Случались и пререкания, грубость, иные проявления неуважения³⁶.

Применительно к отдельным классам, отдельным периодам можно говорить и об элементах негативной солидарности учащихся в их отношениях к учителям и администрации. В пику учителю могли отказываться от ответа, даже зная урок³⁷, нередко публично поддерживали недобросовестных, плохо учившихся товарищей³⁸.

Если дисциплинарные нарушения в классах были случаями, то отношения, складывавшиеся в общежитиях, особенно у подростков, юношей, стали системой – одни и те же вопросы беспокоили педсовет на протяжении всех военных лет:

«В интернате ребята безобразничают». / «Это происходит от их безнадзорности». / «Мы систематически не выполняем решения в отношении общежитий. Всё время приходится отмечать факты нарушения режима, опаздывания»³⁹.

Бытовые условия жизни учащихся нуждались в улучшении. В общежитиях, как и в учебном корпусе, было неуютно, грязно, зимой холодно и не хватало света⁴⁰.

В отчётах за 1942–1943 – 1943–1944 уч. гг. говорилось о достаточном обеспечении общежитий мебелью и постельными принадлежностями, закупленными училищем ещё в 1938–1939 гг. Но в 1944–1945 уч. г. в связи с увеличением набора возник заметный дефицит коек, постельного белья⁴¹.

В отчёте за 1944–1945 уч. г. впервые появился раздел «Одежда и обувь»: «У многих девушек нет даже сменного платья и белья, и учащиеся часто вынуждены были пропускать уроки <...>. Особенно большая нужда в верхнем платье и пальто. При наличии северной суровой зимы многие учащиеся ходили в летнем пальто и пиджаках»⁴².

По учительским оценкам, учащиеся «культурного вида» не имели, в помещении даже в тёплую погоду могли ходить в верхней одежде (в холода в пальто приходилось работать и учителям) и головных уборах, курили⁴³.

В училище имелась столовая закрытого типа, но в действительности здесь только готовили. «Кушать ученикам приходится дома, так как нет зало столовой, – писал сменивший Н. А. Бельскую в 1944 г. директор Г. Т. Величко. – Пищу из столовой ученики несут через весь посёлок и вынуждены кушать её в холодном виде»⁴⁴.

«В течение зимы питались очень прилично, было масло, сахар, картофель, мясо, рыба, весной питание стало значительно хуже. Несколько дней кроме чая с сахаром и постного супа, заправленного

³⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.

³¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 119, 158, 159 об.; Д. 11. Л. 97 об., 99 об., 100, 156, 168; Д. 13. Л. 39 об.; Д. 16. Л. 43, 48 об.

³² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 159; Д. 16. Л. 43 об.-44.

³³ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 114 об., 117 об.; 167 об.; Д. 11. Л. 54, 94, 101, 114 об., 115.

³⁴ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 114 об.

³⁵ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 76, 85, 89 об., 101 об., 117; Д. 15. Л. 6 об., 17 об., 32 об., 38, 41 об.

³⁶ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 167; Д. 11. Л. 45, 47, 95 об.; 119 об.; Д. 15. Л. 5 об., 6 об., 18, 43.

³⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 101 об.

³⁸ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 105, 120.

³⁹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об., 56 об., 74 об., 94; Д. 15. Л. 6.

⁴⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 112 об., 155; 11. Л. 65, 75, 93, 85, 85 об., 94, 94 об.; Д. 15. Л. 6.

⁴¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об., 154 об.; Д. 16. Л. 38.

⁴² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.

⁴³ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 112; Д. 11. Л. 58, 58 об., 65, 85, 85 об., 86, 86 об., 119, 126.

⁴⁴ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 39 об.

немного вермишелью, ничего не было», – читаем в отчёте за 1942–1943 уч. г.⁴⁵

Снабжались учащиеся по карточкам 1 категории. В 1944 г. в сутки полагалось хлеба 700 гр., в месяц – масла и жиров 800 гр., мяса 750 гр., рыбы – 3 кг., крупы – 2 кг.⁴⁶

Все учащиеся, кроме подготовительного класса (здесь дети находились на полном государственном обеспечении), русского отделения (до 1942–1943 уч. г.) и хронически неуспевающих второгодников в национальном отделении получали стипендию. Обучение было платным только для учащихся русского отделения⁴⁷. По свидетельству Г. Т. Величко в 1944–1945 уч. г. средний размер стипендии составлял 150 руб. в месяц, а минимальная стипендия обеспечивала «оплату за столовую и некоторые другие расходы (баня, прачечная и, иногда, кино)»⁴⁸.

Насколько благоприятными / неблагоприятными были условия жизни учащихся Ханты-Мансийского педучилища?

Н. А. Бельская, видимо небезосновательно, считала их приемлемыми, полагала даже, что часть ребят поступила в училище для того, чтобы «прожить трудное время в сравнительно хороших условиях»⁴⁹.

Г. Т. Величко давал аналогичную оценку в части питания учащихся («потребность в пище в основном была удовлетворительной»), замечая при этом: «Многие учащиеся нормами были недовольны»⁵⁰.

При больших нагрузках, в том числе физических, недоедание, безусловно, имело место. Характерно наблюдение физрука училища в январе 1943 г.: «расход энергии не восстанавливается питанием»⁵¹.

Приведённые выше оценки, очевидно, определялись суровыми реалиями военного времени. «Удовлетворительное» обеспечение плохо оберегало подрастающее поколение от болезней. Наблюдалась завшивленность. Многие учащиеся имели плохое зрение. В начале 1943–1944 уч. г. «была сплошная эпидемия дизентерии <...>. В последней четверти было массовое заболевание малярией». Отчёт за 1944–1945 уч. г. зафиксировал наличие хронических заболеваний лёгких и

бронхиальных желёз у 27 чел., сердца – у 29 чел., малокровия у 59 чел.⁵²

Хозяйственные работы были частью ученической повседневности первых военных лет. Субботники, часто практиковавшиеся в первые военные годы (в августе 1942 г. 10 субботников), ремонт учебного здания и общежитий, работа в огороде и в подсобном хозяйстве, на выгрузке продтоваров и заготовке дров для училища и посёлка⁵³.

Сельхозработы, после неудачи большого выезда учителей и учащихся в сентябре 1941 г., когда колхозы отказались принимать помощь и снабжать училищных продуктами, были организованы двояким способом. В летне-осеннее время большая часть учащихся обязывалась работать в колхозах по месту жительства. В педучилище надо было привезти справку. Часть молодых людей небольшими отрядами во главе с учителем выезжали из Ханты-Мансийска в близлежащие хозяйства по договору⁵⁴.

Хозяйственная деятельность учащихся, жертвования в пользу фронта, конечно, приветствовались, но при условии, что не мешали учебному процессу. Так в июне 1942 г. Н. А. Бельская запретила комсомольцам училища участвовать в сборе гвоздей и пакли, а также в спортивных мероприятиях окружкома ВЛКСМ – училище готовилось к годовым испытаниям⁵⁵.

Досуг учащиеся проводили в кружках и секциях, прогулках с друзьями («уходят в город и пропускают часы занятий»), ходили в кино, на танцы, играли в карты («рисуют карты, потом в них играют»), отдыхали. По настроению и по случаю в больших компаниях занимались и гаданием о женихах, о том жив ли отец или брат, ушедшие на войну [10, 25–26]⁵⁶.

Вопреки часто критическим учительским оценкам общего развития и кругозора учащихся они читали и не только на уроках. «Ежедневно в большую перемену, а также в течение всего учебного дня можно наблюдать большое количество читателей в библиотеке», – с удовлетворением отмечала в отчёте за 1943–1944 уч. г. Н. А. Бельская⁵⁷.

Военное время актуализировало задачу военно-патриотического воспитания. При этом военная

⁴⁵ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 111 об.

⁴⁶ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.

⁴⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 111; Д. 16. Л. 37 об. .

⁴⁸ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 37 об.

⁴⁹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Д. 167 об.

⁵⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 16. Л. 38.

⁵¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 93 об.

⁵² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 167 об.; Д. 11. Л. 75 об., 89 об.; Д. 16. Л. 38 об.

⁵³ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 109, 112 об., 127–127 об., 155, 157 об., 176 об..

⁵⁴ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 127; Д. 11. Л. 41–43

⁵⁵ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 654. Л. 12–13.

⁵⁶ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 117, 124 об.; Д. 11. Л. 41 об., 57, 76, 86.; Д. 15. Л. 6, 41 об.

⁵⁷ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 166 об.

подготовка, вначале воспринимавшаяся учащимися не более как один из учебных предметов, с приходом военрука Н. Е. Захарова, затем М. А. Свердлова заинтересовала ребят. Если походы «под строем» в туалет и столовую, правило «подхода и отхода» к преподавателю не вызывали энтузиазма, то лыжные походы с маскировкой, военные игры, хотя и были большой нагрузкой, но «подтянули учащихся, содействовали резкому улучшению военной дисциплины <...>. С игр ребята всегда возвращались бодрыми, весёлыми». Участвовали в играх и многие девушки. Призывники имели по 4-5 оборонных значков⁵⁸.

Иначе обстояло дело с «политикой». «У учащихся нет большого интереса к политическим событиям. Мало учащиеся посещали политические доклады и информации», – констатировал апрельский педсовет 1942 г. «В годовщины революционных праздников торжественным заседаниям (учащиеся – Авт.) предпочитали кино»⁵⁹. В протоколы педсовета попало даже опасное признание, касающееся одного из учащихся: «он вносит везде антисоветские настроения»⁶⁰.

Невысокая эффективность полит-массовой работы побудила педколлектив к организации митингов, заканчивавшихся единогласной поддержкой повышенных учебных обязательств. Так молодёжи пытались привить «политическую сознательность» и приблизиться к главной цели – высокой успеваемости. Однако «не всегда наша агитация была действенной – читаем в отчёте за 1942–1943 уч. г. – Иногда обязательства, взятые всем коллективом учащихся на митинге, оставались пустыми словами»⁶¹.

К сожалению, источники не позволяют реконструировать внутренний мир человека, молодых людей, стоявших на пороге страшной инициации – попадания на фронт. О чувствах, настроениях девушек косвенным образом говорит вышивка платочков для призывников⁶². Не знаем мы и о переживаниях наставников молодёжи. Можно утверждать лишь, что отправной точкой отношений учителей и дирекции к призывникам был профес-

сионализм, а не гражданственность и тем более не родственность, в тепле которой, безусловно, нуждались стоявшие, быть может, у «последней черты» вчерашние дети. Об этом говорят:

- протоколы обсуждения переводных и выпускных приказов по училищу, в которых решалось, какие именно дисциплины должен сдать после возвращения в училище тот или иной молодой человек, чтобы быть переведённым в следующий класс или выпущенным с дипломом;

- отчёты, зачислявшие походы учащихся на пристань, провожавших своих друзей и близких в армию, в рубрику «нарушения дисциплины»;

- ригоризм осуждения сравнительно незначительных проступков призывников, ожидающих близкой мобилизации⁶³.

Обсуждение и заключение

Ханты-Мансийское педучилище относилось к так называемым, национальным педучилищам Севера, миссией которых было осуществление политики коренизации, возвращение национальных просвещенческих кадров в качестве не только учительства, но и агентов советизации.

Война не изменила революционный характер миссии северных педучилищ, усилив чрезвычайные мобилизационные интенции их жизнедеятельности. Повседневность Ханты-Мансийского национального педучилища характеризовалась профессиональными проблемами руководителей и учителей, связанными со школьными реформами 1941–1944 гг., бытовой неустроенностью, прежде всего эвакуированных учителей и учащихся, тяжёлой физической работой, болезнями, трудностями культурной адаптации в училище, особенно для учащихся ханты и манси.

Привлечённые источники дают ограниченные возможности в части реконструкции духовного мира учителей и учащихся, но позволяют увидеть повседневность их взаимоотношений, при всех основных противоречиях и конфликтах, всё же соединяющих их в со-общество. Не случайно учащиеся военных лет вспоминали училище позитивно.

⁵⁸ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 107 об.-108; Д. 11. Л. 50 об., 95.

⁵⁹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 117.

⁶⁰ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11. Л. 76 об., 94.

⁶¹ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 125 об.

⁶² ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 126.

⁶³ ГАЮ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 117; Д. 15. Л.

Список источников и литературы

1. Агеева В. А., Мерзляков М. П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 208–212.
2. Бакиева Г. Т. Проблемы подготовки учителей для национальных школ Зауралья в 1930–1950-е гг. (на примере Тобольского тагарского педагогического училища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 184–192.

3. Кирповская Н. С. Досуговые практики мирного населения во время Великой Отечественной войны (1941–1945): историографический обзор // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2017. № 1. С. 156–161.
4. Косинцева Е. В. Концепт «любовь» в лирике М. И. Новьихова // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 672–678.
5. Кринко Е. Ф. Проблемы духовного развития советского общества в годы Великой Отечественной войны: историографические аспекты // Вестник Адыгейского университета. 2005. № 1. С. 65–68.
6. Митронин Д. А., Сухова О. В. Повседневная жизнь советской деревни в период Великой Отечественной войны: историографические аспекты проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2019. № 4 (52). С. 76–87.
7. Орлов И. Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. 191 с.
8. Панченко Л. Н. Философское «прочтение» оппозиции «Я – Другой» в традиционной культуре обских угров (гендерный аспект) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 545–556.
9. Полякова И. П. Повседневность как объект научного познания // Философия и культура. 2019. № 2. С. 24–37.
10. Ровесницы Ханты-Мансийского округа: воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска / сост. и ред., автор предисловия А. Г. Киселев, сост. фотоматериалов, автор и ред. текста на мансийском языке Р. К. Бардина, автор и ред. текста на хантыйском языке, автор предисловия С. В. Онина. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2020. 448 с.
11. Россинский Ю. Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). С. 24–39.
12. Семёнов А. Н. Концепт как категория в обско-угорской и русской литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 271–278.
13. Сперанский А. В. В горниле испытаний. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 347 с.
14. Daily lives of civilians in wartime modern America: from the Indian wars to the Vietnam war / ed. By David S. Heidler, Jeanne T. Heidler. Westport, Conn.; London: Greenwood press, 2007. 182 p.
15. Eaton, Katherine B. Daily Life in the Soviet Union. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2004. 321 p.
16. Inkeles A., Bauer R. The Soviet citizen: Daily life in a totalitarian society. Cambridge, Massachusetts: Harvard university Press, 1959. 156 p.
17. Koskinen-Koivisto E., Seitsonen O. Landscapes of loss and Destruction Sámi Elders' Childhood Memories of the Second World War // Ethnologia Europaea. 2017. № 49 (1). Pp. 24–40.
18. Raptis H. «My job was to teach»: educators' memories of teaching in British Columbia during World War II // Paedagogica Historica. International Journal of the History of Education. 2018. V. 54. № 4. Pp. 447–467.

References

1. Ageeva V. A., Merzlyakov M. P. *Povsednevnyy mir sovetskogo obshchestva kak predmet izucheniya otechestvennykh issledovateley* [Everyday world of Soviet society as a subject of study by domestic researchers]. *Vestnik Taganrogskego instituta im. A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov], 2017, no. 2, pp. 208–212. (In Russian)
2. Bakieva G. T. *Problemy podgotovki uchiteley dlya natsional'nykh shkol Zaural'ya v 1930–1950-ye gg. (na primere Tobol'skogo tatarskogo pedagogicheskogo uchilishcha)* [Problems of teacher training for national schools in the Trans-Urals in the 1930s – 1950s (on the example of the Tobolsk Tatar Pedagogical College)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2018, no. 4 (43), pp. 184–192. (In Russian)
3. Kirpovskaya N. S. *Dosugovyye praktiki mirnogo naseleniya vo vremya Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945): istoriograficheskiy obzor* [Leisure practices of the civilian population during the Great Patriotic War (1941–1945): historiographic review]. *Vestnik Taganrogskego instituta im. A. P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov], 2017, no. 1, pp. 155–161. (In Russian)
4. Kosintseva E. V. *Kontsept «lyubov'» v lirike M. I. Nov'yukhova* [The concept of "love" in the lyrics of M. I. Novyukhov]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 672–678. (In Russian)
5. Krinko Ye. F. *Problemy dukhovnogo razvitiya sovetskogo obshchestva v gody Velikoy Otechestvennoy vojny: istoriograficheskiye aspekty* [Problems of the spiritual development of Soviet society during the Great Patriotic War: historiographic aspects]. *Vestnik Adygeyskogo universiteta* [Bulletin of the Adygea University], 2005, no. 1, pp. 65–68. (In Russian)
6. Mitronin D. A., Sukhova O. V. *Povsednevnyaya zhizn' sovetskoy derevni v period Velikoy Otechestvennoy vojny: istoriograficheskiye aspekty problemy* [Daily life of the Soviet village during the Great Patriotic War: historiographic aspects of the problem]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region* [University proceedings. Volga region], 2019, no. 4 (52), pp. 76–87. (In Russian)
7. Orlov I. B. *«Chelovek istoricheskiy» v sisteme gumanitarnogo znaniya* [«Historical man» in the system of humanitarian knowledge]. Moscow: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2012. 191 p. (In Russian)

8. Panchenko L. N. *Filosofskoye «prochteniyе» oppozitsii «Ya – Drugoy» v traditsionnoy kul'ture obskikh ugrov (gendernyy aspekt)* [Philosophical «reading» of the opposition «Me – Other» in the traditional culture of the Ob Ugrians (gender aspect)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 545–556. (In Russian)
9. Polyakova I. P. *Povsednevnost' kak ob'yekt nauchnogo poznaniya* [Everyday life as an object of scientific knowledge]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 2019, no. 2, pp. 24–37. (In Russian)
10. *Rovesnitsy Khanty-Mansiyskogo okruga: vospominaniya vypusknits natsional'nykh pedagogicheskogo i meditsinskogo uchilishch Khanty-Mansiyska* [Coevals of Khanty-Mansiysk Okrug: memories of the graduates of the National Pedagogical and Medical Colleges of Khanty-Mansiysk]. Comp. and ed., the author of the foreword A. G. Kiselev, comp. photographic materials, author and ed. the text in the Mansi language R. K. Bardina, author and ed. text in the Khanty language, the author of the foreword S. V. Onina. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Hanty-Mansiysk Publ., 2020. 448 p. (In Russian)
11. Rossinskiy Yu. G. *Sistema obrazovaniya RSFR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The education system of the RSFR during the Great Patriotic War]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Patriotic and foreign pedagogy], 2015, no. 2 (23), pp. 24–39. (In Russian)
12. Semyonov A. N. *Kontsept kak kategoriya v obsko-ugorskoj i russkoj literature* [Concept as a category in Ob-Ugric and Russian literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 271–278. (In Russian)
13. Speranskiy A. V. *V gornile ispytaniy. Kul'tura Urala v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [In the crucible of trials. Culture of the Urals during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Yekaterinburg: UB RAS Publ., 1996. 347 p. (In Russian)
14. *Daily lives of civilians in wartime modern America: from the Indian wars to the Vietnam war*. Ed. By David S. Heidler, Jeanne T. Heidler. Westport, Conn.; London: Greenwood press, 2007. 182 p. (In English)
15. Eaton Katherine B. *Daily Life in the Soviet Union*. Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 2004. 321 p. (In English)
16. Inkeles A., Bauer R. *The Soviet citizen: Daily life in a totalitarian society*. Cambridge, Massachusetts: Harvard university Press, 1959. 156 p. (In English)
17. Koskinen-Koivisto E., Seitsonen O. Landscapes of loss and Destruction Sámi Elders' Childhood Memories of the Second World War. *Ethnologia Europaea*, 2017, no. 49 (1), pp. 24–40. (In English)
18. Raptis H. «My job was to teach»: educators' memories of teaching in British Columbia during the World War II. *Paedagogica Historica. International Journal of the History of Education*, 2018, no. 54 (4), pp. 447–467. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Александр Георгиевич, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), доктор исторических наук.

Kiselev1954@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4677-5250

ABOUT THE AUTHOR

Kiselev Alexander Georgievich, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14 A), Doctor of Historical Sciences.

kiselev1954@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4677-5250